

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 413 E. 14th St., New York, N. Y.

КРОВАВЫЕ БЕСПОРЯДКИ

В СТОЛКНОВЕНИИ МЕЖДУ Ф
КОММУНИСТАМИ УБИТО 6
МНОГО РАНЕННЫХ

МАРСЕЛЬ, 14 июля. — Во время «Дня Бастилии» произошли столкновения между фашистами и коммунистами.

Драка началась когда во время марша Шотана и «Объединенных» прошли мимо дома, в котором помещалась фашистская организация Жана Дорно. Начался кулачный бой, враждующие стороны перешли в настоящую перестрелку, во время которой было ранено много человек, кроме большого количества раненых, было убито много. Конной полицией, полицией, удалось рассеять разъяренную толпу.

АНГЛИЯ ВООРУЖАЕТ ЧАСТНУЮ
СУДА

ЛОНДОН, 14 июля. — Первый министр Гейтс заявил в Палате общин, что правительство собирается вооружить за счет государства торговые пароходы плывущие в Испанию, вызванная недавней атакой фашистского английского парохода.

АНГЛИЙСКАЯ КНИГА РУССКОГО АВТОРА О ЧЕХОВЕ

(Anton Chekhov, the voice of twilight Russia. Princess Nina Andronikova-Tumanova 1937).

Написать книгу о Чехове — да и тому же еще для не-русских — задача не легкая. И для русских и для русских — о Чехове было написано не так уж много подлинной развешивающей критики. О Чехове было пролито больше чернил, чем света на его сложное и тонкое творчество.

Утраченный Чехов.

Чехов, как это не странно сказать о писателе, был одним из самых скрытных и застенчивых наших художников слова. Его личная скромность и застенчивость вошли в пословицу: это сказало и в его искусстве. С незабываемым изяществом и правдивостью Чехов изобразил всю Россию, но себя-то, свою тайну он успешно — и даже, может быть, не без лукавства — утаил. Если бы мы знали только его рассказы и драмы, мы так и не знали бы его взглядов на Россию, на искусство, на религию, на человечество и его судьбы.

Поэтому в суждениях о Чехове так разительно и курьезно ошибались даже такие светила нашей критики, как Михайловский и — позже — Мережковский, не говоря уже о травоядных Скабичевских. Обвиняли его и в равнодушии, и в отсутствии общих идей, и в холодной «фотографичности» (это Чехова-то!), даже в незнакомстве с Россией.

«Однообразие» Чехова.

Могут сказать: да ведь это дела давно минувших дней. Нет, — несколько лет тому назад, тогда еще евразийский князь Д. Святополк-Мирский, а ныне просто советский критик Мирский, в своей истории русской литературы (на английском языке) упрекал Чехова в том, что его персонажи говорят на однообразном интеллигентском языке, не имеют своего индивидуального языка (это Чеховские-то крестьяне, дети, дячки и чиновники!). Самое любопытное то, что за Чехова в горячей статье вступился тогда знаменитый американский критик Стюарт Шерман (ныне покойный). Впрочем, с Мирским — десятки гладки.

Мысль Чехова.

Тайна Чехова начала раскрываться только после его

смерти, когда начало выходить собрание его исключительных, великодушных писем. В интимности писем к его друзьям и членам семьи раскрывалась и его резкость, лучезарная душа и его упорный всегда оригинальный и остроумный труд мысли над роковыми вопросами человека, России и человечества. Новый Чехов открылся: мыслитель удивительной яркости и богатства. И какой несравненный уму! Кроме великих заслуг Чехова-художника, письма его позволяют ставить его, как представителя русской мысли, наряду с Герценом и Достоевским.

Англия и Чехов.

И слова каприз литературной судьбы: в России письма Чехова привлекли не много внимания. Но в Англии (и отчасти в Америке), после войны, Чехов был принят с восторгом, не только, как великий писатель, но — из-за его писем — и как героическая личность и как поэт-мыслитель. По извлечению из его писем стали составлять антологии по вопросам искусства, критики и этики. Англичан ничуть не испугало то обстоятельство, что Чехов не был профессиональным философом: они уловили музыку его души, во многом сродной британскому гению, и английские критики не колебались провозгласить Чехова единственным для нашей эпохи явлением, как художника, человека и мыслителя. Можно сказать, что английская критика поняла Чехова во всей его целостности и красоте.

— 0 —

С этими общими соображениями и ожиданиями подходив к книге нашей соотечественницы. Труд г-жи Андрониковой-Тумановой является биографией Чехова — писателя и Чехова — человека, Одиссея его личности и творчества. Книга имеет ряд несомненных достоинств. Она сжата, богата фактическим и критическим материалом. Ее суждения об отдельных произведениях Чехова обычно верны и убедительны. Она дает печать упорного и добросовестного труда.

Но в книге и е...

недосказанное и незаключенное. Почти все существенные черты портрета Чехова есть, но живого, цельного Чехова все-же нет. Чехов у г-жи Андрониковой — статичен, а не динамичен. Нет морфологии, развития и непрерывного обогащения души Чехова, которые так поражают и пленяют в его произведениях, а особенно в его письмах, где он кажется — растет духовно на наших глазах. А потому в книге нет объяснения тайны Чехова, — превращения талантливого молодого провинциального журналиста в писателя и личность мирового значения, достойного занять место в пантеоне мировой литературы между Вольтером и Сократом, как их ровня, но «столько с русскою душой».

Законы гения.

Чехов у г-жи Андрониковой как-то сразу весь дан: он певец, «голос сумеречной России». Это верно, но не все. Это одна из фаз, которые проходил и преодолевал его гений, в своем развитии. Вот этих-то законов развития гения Чехова, его самовоспитания и побед над собой — нет в книге г-жи Андрониковой. Все

аккорды есть, а симфонии нет. Поэтому для автора в творческой жизни Чехова все случайно. Чехов случайно пишет рассказ «Припадок». «Мистер Пришибеев» — просто рассказ о хвастливом и напыщенном солдате. Чехов предпринимает свою знаменитую поездку на Сахалин, тоже случайно. А между тем из писем Чехова видно, как все это было не случайно: это были «муки роста» великого таланта и искания независимой и героической мысли.

Добросовестный труд автора заслуживает уважения. Это солидная академическая монография. Но можно было бы пожелать ей больше глубины и поэтического прозрения.

И. Л. Тартак.